

Е. Т. Соколова

**АФФЕКТИВНО-КОГНИТИВНАЯ
ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТЬ /
ИНТЕГРИРОВАННОСТЬ
КАК ДИСПОЗИЦИОННЫЙ
ФАКТОР ЛИЧНОСТНЫХ
И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ
РАССТРОЙСТВ**

Соколова Елена Теодоровна окончила факультет психологии в 1968 году, в 1971 защитила кандидатскую диссертацию, в 1991 — докторскую. С 1976 года работает на кафедре нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ. Доктор психологических наук, заслуженный профессор кафедры нейро- и патопсихологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Е. Т. Соколова — автор 170 публикаций, в том числе монографий и учебных пособий: «Мотивация и восприятие в норме и патологии» (1976), «Проективные методы исследования личности» (1980), «Самосознание и самооценка при аномалиях личности» (1989), «Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях» (1995, в соавт. с В. В. Николаевой), «Психология нарциссизма» (2001, в соавт. с Е. П. Чечельницкой), «Психотерапия. Теория и практика» (2002). В многолетних исследованиях под ее руководством изучаются вопросы системного влияния клинических, социально-психологических и индивидуально-стилевых когнитивных факторов на формирование нарушений самосознания, идентичности и регуляторных операций при психических и поведенческих расстройствах.

В статье обобщается опыт многолетних исследований автора, посвященных разработке интегративной био-психо-социальной модели личностных расстройств во взаимосвязи интеллекта, саморегуляции, самоидентичности и социальных отношений. На основе метаанализа эмпирических исследований и теоретических моделей делается вывод о преддиспозиционных возможностях категории «когнитивный стиль», приводятся результаты экспериментальных исследований, уточняющие функции когнитивной дифференцированности-интегрированности, символического опосредствования и рефлексии в регуляции содержания, эмоциональной валентности, временной

устойчивости и пространственной организации интрапсихических репрезентаций «Я» и межличностных отношений, системной организации защитных и копинговых операций.

РАКУРСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Развитие любой системы может быть понято в терминах дифференциации-интеграции, предполагающих как увеличение сложности системы и степени специализации и сегрегации ее подсистем, так и их взаимодействие, обеспечивающее целостность системы в целом. Патологические процессы любого генеза, упрощают микростроение структуры, размывая границы подсистем, ведут к нивелировке качественных различий между ними, гомогенизации, и как следствие, — функциональному обеднению системы и снижению качества адаптации; другим следствием патологии является сокращение количества межфункциональных внутрисистемных и межсистемных связей, за счет чего страдает гибкость и целостность всей системы.

Рассмотрим ход нормального и аномального развития такой системы, как самоидентичность. Многогранность категории «самоидентичность» фиксирует определенную сложность данной проблематики в рамках психоанализа и в целом глубинной психологии. Само появление этой категории инициировано изучением нарциссических, а затем и пограничных личностных расстройств, т. е. той области психопатологии и психотерапии, где проблема идентичности как новая научная проблематика естественно отвечает запросам новой области психологической практики как её содержательная и насущная проблема. В этом смысле она опосредствована специфическим предметом изучения: понятие самоидентичности возникает, когда накопленный опыт исследовательской и практической психологии испытывает острую нехватку и потребность в новом понятии, с помощью которого этот опыт сможет стать обозначенным, категоризованным и отрефлексируемым. Можно провести аналогию с понятием «социальной ситуации развития» по Л. С. Выготскому: оно привлекается, чтобы обозначить особый этап культурно-исторического развития самосознания ребенка, ког-

да опыт межличностного взаимодействия со взрослым вызывает к жизни «потребность» в самоидентичности как особом «органе» саморегуляции; самоидентичность выполняет функцию самозащиты от страха «растекаемости» в усложняющихся отношениях с людьми; при этом взрослый становится тем «значимым Другим», с помощью которого у ребенка порождается специфическая новая потребность и круг жизненных задач: «собрать» себя, определить себя в отличии от Другого, обозначить свои границы и защитить своё автономное существование, одновременно сохраняя свою эмоциональную связь с другими людьми, преобразуя её из чувства эмоциональной зависимости в чувство разделяемой общности с себе подобными.

Еще одним ракурсом проблемы идентичности является «созидание» идентичности в смысле движения к преодолению конфликтов личностного роста через развитие высших форм саморегуляции и интеграцию, «собрание» и гармонизацию сосуществующих структур («субличностей», различных «ядер», «видов» идентичности, частных конкретных идентификаций, фасадных самопрезентаций и глубинной самости и т. п.) и тем самым движение к большей интегрированности, самопоследовательности, внутренней целостности.

Для понимания истории проблемы полезно обозначить круг авторов, заостривших внимание на связи проблем самоидентичности, саморегуляции и развития индивидуальности [Hartmann 1958; Rapaport 1951], конфликта побуждений-намерений, квазипотребностей, источник которых исходит из взаимодействия «Я» и «окружения» (поля) [Witkin 1954; 1974; Levin 1935]. Благодаря теоретическим и эмпирическим исследованиям этих авторов впервые была обозначена важность дивергенции в ходе развития индивида двух типов саморегуляции — защит и контролей. Сами защитные механизмы начинают пониматься как ограниченная группа относительно «примитивных» операций, обслуживающих эго, включенное в конфликт инстинктивных влечений; предполагается, что в отличие от них механизмы контроля (или самоконтроля) порождаются сферой эго, свободной от конфликта (по Х. Хартманну), и могут быть поставлены на службу познанию, оценке, приспособлению к реальности, причем не только без ущерба для «Я», но именно с учетом

его «внутренних» индивидуальных особенностей. Эти последние рассматривались в качестве своеобразных медиаторов, посредников в решении задачи, стоящей перед индивидом: каким образом сбалансировать внутренние требования его инстинктивной жизни и требования, исходящие извне, из социальных условий и требований межличностного окружения. Психологическое выживание и приспособление к социальному окружению достигается не столько примитивно-инфантильными способами (защитным игнорированием, бессознательными искажениями), сколько принципиально иначе, более зрело — активными сознательными усилиями точнее познать, исследовать, категориально опосредствовать. Дальнейшее развитие этого направления, как известно, привело к теоретическому и эмпирическому изучению так называемых «когнитивных контролей» и механизмов «совладания», их более или менее сложных целостных паттернов, совместно с защитными механизмами образующих «стиль саморегуляции». Мы видим, таким образом, что намечается тенденция к пониманию когнитивного стиля как индивидуальной приспособительной системы самоконтроля и саморегуляции, развиваемой структурой «Я» во взаимодействии с социальной средой и, в свою очередь, активно определяющей характер отношений «Я» со значимым социальным окружением.

Разработка исследовательской парадигмы. Родившись из взаимовлияния идей психоанализа, когнитивной психологии и психологии развития, персонологии и гештальтпсихологии, новые теоретические установки («Новый взгляд») послужили катализатором разработки новой исследовательской парадигмы. В 50—60-е годы Г. Виткину удалось обобщить результаты проводимых им с конца 40-х годов исследований индивидуальных особенностей восприятия в экстремальных условиях и представить убедительные экспериментальные доказательства связи когнитивного стиля (степени полезависимости-автономии и дифференцированности) с типом целостной организации личности, в том числе — самооценкой, защитами, межличностными установками. Это позволяет рассматривать когнитивный стиль в качестве операционального индикатора одной из наиболее обобщенных характеристик системной организации личности — глобальности / аналитичности ее когнитивного стиля (включая и нейропсихологические механизмы) как

в норме, так и в патологии [Witkin 1954; 1974]. С конкретизации и теоретического углубления этой высказанной Г. Виткиным идеи начинались наши собственные исследования «искажений» самосознания при аномалиях личности [Соколова 1976; 1989].

Для понимания замысла и результатов проведенных далее эмпирических исследований представляется необходимым дать более развернуто собственное понимание этого конструкта в теоретическом и эмпирическом плане, поскольку оно было одним из центральных понятий наших исследований. В своей концепции «распада» понятий при шизофрении Л. С. Выготский развивает мысль о связи распада понятийной системы (вплоть до примитивных уровней комплекса и синкрета) с качественно новым уровнем взаимоотношений не только между аффективными и когнитивными процессами, но и всей системой отношений «Я» к действительности: «... в шизофрении распадаются сложные системы, аффекты возвращаются к первоначальному примитивному состоянию, теряют связь с мышлением ... аффекты начинают изменять его мышление, его мышление есть мышление, обслуживающее эмоциональные интересы и нужды» [Выготский 1982: 126]. И далее: «... изменения личности и сознания действительности при шизофрении непосредственно вытекают из соскальзывания мышления со ступени понятий на ступень комплексов» [Выготский 1956: 494]. Можно полагать, что распад понятий до примитивных стадий комплекса и синкрета, иными словами, переход всей познавательной системы на более примитивный уровень функционирования как раз и создает те принципиально новые отношения между когнитивными и аффективными процессами, которое называют полезависимым и недифференцированным когнитивно-аффективным стилем. В этом новом теоретическом контексте данные измерения стиля могут быть поняты в качестве индикатора баланса и качества отношений между импульсивными, сенсомоторными, аффективно-чувственными процессами, с одной стороны, и процессами познавательными, рационально-рефлексивными — с другой. Этими взаимоотношениями определяется системное строение и функционирование самоидентичности, уровень когнитивной опосредованности (и в этом смысле — зрелости) защитных стратегий и процессов контроля реальности, качество её «тестирования» в

смысле когнитивного «овладения» ею, интуитивного «схватывания» смысла, инсайта и эмпатического понимания окружающих. Так, полезависимости и низкой когнитивной дифференцированности будет соответствовать конкретно-ситуационный уровень обобщения при дефиците способности к обобщению и символизации, конкретность (вплоть до буквальности, фотографичности) мышления, замкнутость в пределах частной ситуации, трудности в понимании переносного смысла (иными словами, ограниченность пределами наличной ситуации), дефицит творческого воображения и эмпатии, что близко по смыслу к феноменам «механистического», «оперативного» мышления, буквального мышления. Подобные закономерности были теоретически спрогнозированы, обоснованы и неоднократно подтверждены в исследованиях, выполненных под нашим руководством. Были получены также достоверные данные о связи когнитивной недифференцированности с нестабильностью образа «Я» и диффузностью границ репрезентаций «Я—Другой», с манипулятивными коммуникативными стратегиями и примитивно-чувственным уровнем защитных операций, обуславливающих «размытости» социальной перцепции, доступности ее пристрастным искажениям, предубежденности и утрате четкой ориентации в мире межличностных отношений.

Согласно этой модели, первичные расстройства самоидентичности (нестабильность, дезинтеграция, «диффузия самоидентичности»), равно как и вторично-компенсаторные защитные структуры (доминирование примитивно-архаических процессов), могут быть описаны в терминах особого рода аффективно-когнитивного стиля. Два качества системной организации — низкий уровень дифференциации границ психических подсистем, их недостаточная ясность и четкость (артикулированность) и зависимость (слипание, склеенность, дефицит автономного режима функционирования) — были применены нами к описанию уровня структурной организации самоидентичности в качестве психологических механизмов, ответственных за структурную дезинтегрированность и временную нестабильность отношений, внутрисистемных и межсистемных связей «Я» при расстройствах личности. Метаанализ имеющихся публикаций, а также многолетние исследования так называемых искажений самосознания и его связи с когнитивным

стилем личности [Соколова 1989; 1995; Соколова, Ильина 2000; Соколова, Бурлакова, Лэонтиу 2001; 2002; Соколова, Сотникова 2006; Соколова, Коршунова 2007], позволили уточнить роль аффективно-когнитивного стиля в качестве одного из психологических механизмов-предикторов нарушения структуры и функций самоидентичности при расстройствах личности пограничного и нарциссического типа, описать устойчивые «искажения» образа «Я» на телесном и категориальном уровне самосознания при коморбидных заболеваниях — затяжных неврозах, депрессии, ипохондрии, пищевых аддикциях и суицидах, обнаружить аналогичные структуры самосознания у женщин — проституток с присущей последним сексуальной неразборчивостью (промискуитетом), повышенной виктимностью вследствие недостаточно определенных, размытых и потому доступных для вторжения границ «Я».

Исследовательская парадигма разрабатывалась исходя из идеи о психологическом значении феномена «толерантности к неопределенности», который моделировался в экспериментальной ситуации путем варьирования степени физической, семантической и смысловой неопределенности. Стандартная экспериментальная схема включала: Тест врожденных фигур Г. Виткина, Тест Роршаха, ТАТ со шкалами оценки аффективно-когнитивной дифференцированности S. Blatt, D. Westen, Urist, тест оценки перцептивной дифференцированности S. Fischer, шкалу оценки дифференцированности-интегрированности H. Marlens и другие специальные тесты.

Согласно результатам проведенных исследований, пациенты, находящиеся ближе к полюсу «сверхзависимость», отличаются (при известной индивидуальной вариативности) генерализованной тенденцией к глобальной психологической сверхзависимости, трудностью «выделения своего Я из поля» вплоть до отождествления самооценки с оценками значимых других («эхо-самооценка»), неустойчивостью во времени системы самооценок, недостаточной их обобщенностью и трудностью интеграции негативных и позитивных самооценок в целостный и непротиворечивый образ «Я»; доминированием изолированного и слабо структурированного сенсорно-чувственного (телесного) уровня в образе «Я» над категориальным; низкой толерантностью к стрессу, индуцируемому неудачей или порицанием (высокая стрессодоступность и сла-

бость границ «Я»); тенденцией к негативному самоотношению и самоотвержению.

Защитные структуры отличает низкий уровень дифференцированности, специализированности и когнитивного опосредствования («примитивные защиты» глобального действия, различные варианты чувственно-аффективного «напитывания» и моторного отреагирования), а следовательно, и ограниченные возможности осуществления функций «перевода» бессознательного в категориальные структуры, его означивания, символизации и осознанного контроля. Отношения со значимыми другими поддерживаются за счет интрапсихических и межличностных манипуляций и в этом смысле являются поведенческим эквивалентом примитивных защитных операций по «овладению» и контролю аффектов, порожденных конфликтом между бессознательным тяготением к симбиотической зависимости и неудачами в обретении самостоятельности и автономии.

Гендерная и телесная идентичность. В одном из проведенных под нашим руководством исследовании эмпирически проверялась гипотеза об одном из возможных механизмов влияния на структуру и характер функционирования гендерной идентичности двух параметров когнитивного стиля, а именно, зависимости / автономии и степени когнитивной дифференцированности. Согласно полученным результатам, баланс зависимости / автономии и мера дифференцированности определяют успешность или неудачу в дифференциации / интеграции частных образов «Я» и паттернов отношений «Я—Другой» в целостную гендерную самоидентичность. Эти данные согласуются с результатами ранее проведенных исследований, подтвердивших наличие связи между низкой когнитивной дифференцированностью и полезависимостью с достаточно устойчивым симптомокомплексом нарушения структур самосознания: нестабильностью образа физического (телесного) «Я», эмоционального отношения к себе и значимым другим, низким уровнем когнитивной оснащенности защитных операций у пациентов с пищевыми аддикциями [Соколова 1989; 1995].

Микроструктура репрезентативного паттерна «Я—Другой» при суициде и других видах аутодеструкции. Обратимся к по-

ниманию специфической организации репрезентативного пространства нарциссического человека, его аффектов и когнитивных структур, системы его представлений о себе и межличностных отношениях [Кернберг 2000; Akhtar 1984]. Согласно нашим исследованиям, слабая внутренняя когнитивная дифференцированность системы репрезентаций, ее внутренняя рассогласованность и непоследовательность, недостаточная целостность и интегрированность в сочетании с заряженностью полярными по знаку аффектами корреспондирует с соответствующими параметрами аффективно-когнитивного стиля. При дефиците способности к рациональной и рефлексивной оценке себя вне зависимости от актуальных аффективных состояний и фрустраций представление о себе неустойчиво и подвергается постоянным флуктуациям и искажениям. Этим «качелям», присущим погранично-нарциссической личностной организации, способствует эмоциональная нестабильность и глубокая уязвимость самооценки, «грандиозность я», а также неспособность к ментализации и символизации и преимущественно психосоматический способ изживания и регуляции психотравм (алекситимический синдром).

Предполагается, что последовательная, целостная и непротиворечивая репрезентативная картина мира может развиваться в детском возрасте и, стабильно функционируя, защищать в дальнейшем от превратностей судьбы только благодаря отзывчивому отношению заботящегося о ребенке взрослого, т. е. внутри своеобразного «контейнера» отношений безопасной привязанности [Fonagy 2000]. Таким образом, ранние отношения между ребенком и взрослым служат «пространством», призванным обеспечить достаточно места для взаимной привязанности и автономии или, напротив, «токсичную» среду, в которой формируются все психические функции, в том числе регуляторные системы, когнитивные способности, язык и символические средства переработки «невыносимого» аффективного состояния. Приобретенные в детстве «рабочие модели привязанности» или «репрезентативные модели объектных отношений» (вариативность терминов диктуется рамками соответствующих теорий) ответственны за бессознательную диспозиционную готовность к специфической организации актуальных взаимодействий и оказывают влияние на аффективную валентность («тональность»)

их восприятия, доброжелательную или враждебную. Абстрагируясь от конкретных терминологических различий, здесь можно легко опознать традиционные проблемы психологической науки. Речь, конечно же, идет о социальных детерминантах развития, о роли общения и *приобщения* ребенка к культуре человеческих отношений, о социализации и ее психологических механизмах, а также о влиянии прошлого опыта и об индивидуальном присвоении системы культурных эталонов, на которую ориентируется субъект как на «фрейм», выстраивая текущие жизненные отношения и принимая решения действовать определенным образом.

Данный контекст и является ориентирующим для наших исследований, направленных на изучение психологических закономерностей, определяющих нарушение формирования, строение и функционирование когнитивных структур, обобщенно-схематизированных представлений о межличностных отношениях (о *себе* и *другом* в них), которые функционируют в качестве некоего системно-организованного установочного механизма социального познания. Стиль личности как устойчивый индивидуальный паттерн, состоит из трех блоков: а) взаимодействующих подструктур познавательных преддиспозиций и схем, осуществляющих селективные функции, а также прогноз и контроль социальной активности; б) защит и копингов аффективной регуляции и в) конфигураций отношения к себе и *значимым другим*. В единстве и взаимодействии образующих его подструктур он детерминирует склонность индивида ориентироваться на сложившуюся систему эталонов в новых, трудных, неопределенных или кризисных ситуациях. Если субъект утратил способность удивляться и испытывать эмоциональное вдохновение, не может придать осмысленность этим жизненным обстоятельствам и воспринимает их исключительно как фактор тревоги, как неопределенность, превышающую его возможность совладания с ней или представляющую угрозу устоявшейся и связной картине мира, целостности самоидентичности, его «ответом» вызову окружения или внутреннему конфликту, скорее всего, станет воспроизведение ранее сложившегося (и, возможно, устаревшего) стереотипа психического реагирования. А между тем, неординарные ситуации, особенно те, в которых человеку открывается смысл и конечность жизни, ставится под со-

мнение правильность избранного пути, преданность близких или ценность его личности, предоставляют выбор. Они способны заставить заработать творческий потенциал «Я», равно как и вызвать столь мощное «внутреннее землетрясение», что единственным выходом может показаться насилие и суицид.

Мы полагаем, что индивидуально-стилевые особенности репрезентативной системы оказывают существенное влияние на характер актуальной коммуникации, определяя (иногда искажая) социальную перцепцию и образ «Я». Они задают также механизмы переработки опыта фрустрации в межличностных отношениях, включая эмоциональный опыт потери *значимого другого*, и опыт жизненных неудач, подвергающий сомнению устойчивость самоуважения. При этом структурные и содержательные характеристики репрезентации отношений связаны между собой и определяются аффективно-когнитивным стилем личности, под которым понимается индивидуальная конфигурация аффективных и познавательных процессов, включающая в себя способы познания, имеющие различную степень эмоциональной пристрастности, и интра- и интерпсихические механизмы регуляции аффективных состояний, отличающиеся уровнем психологической дифференциации/интеграции и степенью зависимости / автономии. Таким образом, можно говорить об аффективно-когнитивном стиле репрезентаций отношений «Я—Другой», т. е. об индивидуальной системе представлений о человеческих отношениях, системе их категоризации и регуляции, с разным уровнем когнитивной дифференцированности, сложности, символической опосредованности и эмоциональной пристрастности.

Предлагаемый теоретический ракурс позволяет рассматривать их не только как отражение прошлого опыта эмоциональных связей, но и как своеобразную рабочую модель *конструирования* нового опыта общения, регулирующую его интериоризацию и задающую алгоритмы переработки травматических состояний в настоящем и будущем, что в конечном итоге будет определять уровень толерантности к фрустрации в межличностных отношениях. Такие способы аффективно-когнитивной репрезентации межличностного взаимодействия активируются прежде всего при разрыве эмоциональных связей, сепарации или потере *значимо-*

го другого и определяют генерализованный способ переработки травматического эмоционального опыта потери. Толерантность к эмоциональному опыту потери, таким образом, будет определяться индивидуальной конфигурацией, индивидуальными стилевыми особенностями целостного комплекса переживаний, фантазий, аффектов, представлений о себе и Другом, (связанного с реальной или фантазийной дифференциацией / сепарацией от *значимого другого*), вместе с репертуаром способов рационально-рефлексивной и смысловой проработки этого опыта, защит и копингов [Соколова, Сотникова 2006б; Соколова, Коршунова 2007].

Когнитивно-аффективный стиль как предиктор психических расстройств, девиаций поведения и эффективности психотерапии. Когнитивная полезависимость, кроме всего прочего, означает сверхконкретность, сужение возможностей выхода за пределы наличного, эмпирического и непосредственно данного, в том числе, путем отстраненного размышления или воссоздающего воображения, мечты; она препятствует антиципации будущего, метафорической реконструкции недостающего, утраченного и тем самым существенно снижает восстановительные ресурсы личности, поддерживая состояние хронического «эмоционального голода», постоянной неудовлетворенности. Низкая дифференцированность («когнитивная простота», недостаток средств анализа и упорядочивания) проявляется неспособностью подмечать тонкие различия и изменения, отличать главное от второстепенного (особенно в сфере социальных отношений и самовосприятия), «глобальностью» и «дихотомичностью» суждений и представлений, антидиалектичностью познания в целом.

При сверхвысокой (и, как было показано, «ложной») когнитивной дифференцированности познавательная стратегия характеризуется избыточной детализированностью, «расчлененностью», взаимной несогласованностью и фрагментарностью представлений о себе и других; аналитическим процессам не хватает беспристрастной рефлексивной позиции, последовательности и самоконтроля, главный же дефект состоит в нехватке теоретического синтеза. Относительно высокий уровень когнитивного функционирования существует параллельно и несвязно с интенсивными,

но трудно вербализуемыми аффектами; образ себя и другого расщеплен на обесцениваемые и отчуждаемые «плохие» телесные и идеализируемые, грандиозные «хорошие» духовные аспекты. В общей конфигурации защит в этой группе доминируют механизмы расщепления, обесценивания и гиперсимволизации с преобладанием чрезмерно абстрактных символов превосходства, исключительности и грандиозности, способствующих отвержению и деструкции отношений с другими. Суицидальное поведение в этой подгруппе активируется в ответ на нарциссические обиды, «крах» перфекционистических ожиданий и самооценки, субъективно воспринимаемых как катастрофа, глобальный личностный провал.

Вина и стыд, для личностно зрелого человека служащие средствами морально-нравственной саморегуляции, у людей с нарциссической уязвимостью самоуважения и трудностью символизации с легкостью обращаются в «телесное самоедство» — так душевные терзания защитно соматизируются, преобразуясь в терзания тела. Человек в подобном состоянии теряет не только способность испытывать радость, наслаждаться жизнью, но и утрачивает способность играть, изобретать, инсайтно видеть привычное в новом свете; утрачивается также связность и последовательность мышления. Аналогия с младенческой безучастностью и задержкой когнитивного развития в ответ на длительную депривацию материнской любви и внимания здесь вполне уместна [Bowlby 1998]. Отсутствие объекта в реальности, не компенсируемое его символически поддерживающей репрезентацией во внутреннем мире, приводит как к безвозвратной утрате эмоционально-отношенческих связей, так и к когнитивному дефициту, потере соединения ментальных репрезентаций в единое целое. Мир внутри «Я» и мир снаружи предстают в первозданном хаосе и тотальной неопределенности, вне пространственных и временных координат, без возможности выразить себя в словах, обрести структуру и упорядоченность, что не может не внушать растерянности и глобальной беспомощности [Fonagy 2000]. Защитная система вынуждена функционировать в упрощенном режиме, возвращаясь к более примитивному уровню когнитивного опосредствования (когнитивной простоте), или способность мыслить и выражать переживания в словах утрачивает вовсе. Превалирование расщепления над интеграцией приводит

к тому, что травматический эмоциональный опыт, будь то потеря другого или нарциссическая рана, хронически дестабилизируют способность к переживанию и рефлексивной проработке кризисных состояний, препятствуют сохранению собственной стабильной идентичности и «удержанию» связей со *значимыми другими* [Соколова, Сотникова 2006а; Соколова, Коршунова 2007].

В психотерапии люди подобного типа относятся к так называемым «трудным»; их когнитивные особенности являются одним из провоцирующих психологических механизмов генерализованного сопротивления излечению, саботажу отношений сотрудничества, а также накладывают ограничения на способность испытывать облегчение и хотя бы частичное удовлетворение от слов и ментальных преобразований, а не действий или «вещей» [Blatt, Auerbach, Levy 1997; Соколова 2002]. Прогноз эффективности психотерапевтического воздействия более благоприятный, когда переживание «утраты» доступно разделению с «другим», символизации, работе воображения и вербализации благодаря чему оно проходит через разработанные культурой ритуалы «траура» и «контейнируются» ими. «Слова, — замечает Макдугалл, — замечательные контейнеры» [Макдугалл 2007: 86]. Психотерапевтическое «контейнирование» служит объединению и достижению непротиворечивого единства эмоционального отношения и ментальной интеграции, «собиранию себя» в единую, осмысленную и целостную самоидентичность, сохраняющуюся, опираясь на человеческие связи, несмотря на все превратности жизненного опыта. Сложность в том, что именно помощь сопереживающим словом, предполагающим созданное в терапии промежуточное пространство «игры», «мечты», условности, с трудом разделяется пациентом. В определенном смысле слова он — слишком материалист, а не идеалист, он жаждет зримого и «вещного» изменения жизни; условности и «искусственности» замещения его не утешают; а большего терапевт не может ему дать.

ЛИТЕРАТУРА

Выготский 1982 — *Выготский Л. С.* Собрание соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 109—131.

- Выготский 1956** — *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. М.: АПН, 1956. С. 481—495.
- Кернберг 2000** — *Кернберг О.* Отношения любви. Норма и патология. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
- Макдугалл 2007** — *Макдугалл Дж.* Театры тела. М.: Когито-Центр, 2007.
- Соколова 1976** — *Соколова Е. Т.* Мотивация и восприятие в норме и патологии. М.: Изд-во МГУ, 1976.
- Соколова 1989** — *Соколова Е. Т.* Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Изд-во МГУ, 1989.
- Соколова 1995** — *Соколова Е. Т.* Особенности личности при пограничных расстройствах // *Соколова Е. Т., Николаева В. В.* Особенности личности при пограничных расстройствах личности и соматических заболеваниях. Ч. 1. М.: Аргус, 1995.
- Соколова, Бурлакова, Лэонтиу 2001** — *Соколова Е. Т., Бурлакова Н. С., Лэонтиу Ф.* К изучению «диффузной» гендерной идентичности при пограничной личностной организации: теоретический анализ проблемы // *Вопр. психол.* 2001. № 6.
- Соколова, Бурлакова, Лэонтиу 2002** — *Соколова Е. Т., Бурлакова Н. С., Лэонтиу Ф.* Связь феномена диффузной гендерной идентичности с когнитивным стилем личности // *Вопр. психол.* 2002. № 3.
- Соколова, Ильина 2000** — *Соколова Е. Т., Ильина С. В.* Роль эмоционального опыта жертв насилия для самоидентичности женщин, занимающихся проституцией // *Психол. журн.* 2000. Т. 21. № 5.
- Соколова, Коршунова 2007** — *Соколова Е. Т., Коршунова А. Р.* Аффективно-когнитивный стиль репрезентации отношений «Я—Другой» у лиц с суицидальными попытками // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 2007. № 4.
- Соколова, Сотникова 2006а** — *Соколова Е. Т., Сотникова Ю. А.* Проблема суицида: клинико-психологический ракурс // *Вопр. психол.* 2006. № 2.
- Соколова, Сотникова 2006б** — *Соколова Е. Т., Сотникова Ю. А.* Связь психологических механизмов защиты с аффективно-когнитивным стилем личности у пациентов с повторными суицидальными попытками // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 2006. № 2.

- Akhtar 1984** — *Akhtar S.* Identity diffusion syndrome // *Amer J. Psychiatry*, 1984. 141 (11). P. 1381—1384.
- Blatt, Auerbach, Levy 1997** — *Blatt S., Auerbach J., Levy K.* Mental representations in personality development, psychopathology and the therapeutic process // *Rev. of General Psychol.* 1997. Vol. 1. № 4.
- Bowlby 1998** — *Bowlby J.* Attachment and Loss. Vol. 2: Separation Anxiety and Anger. Plimpico, 1998.
- Fisker 1964/68** — *Fisker S. & R. L.* Body image boundaries and patterns of body perception // *J. Abnormal Soc. Psychol.* 1964/68. P. 255—262.
- Fonagy 2000** — *Fonagy P.* Attachment and Borderline Personality Disorder // *JAPA.* 2000. Vol. 48. № 4.
- Hartmann 1958** — *Hartmann H.* Ego Psychology and Problem of Adaptation. N.Y.: IUP, 1958.
- Levin 1935** — *Levin K.* A Dynamic Theory of Personality. N. Y.: McGraw-Hill, 1935.
- Rapaport 1951** — *Rapaport D.* Organisation and Pathology of Thought. N.Y.: McGraw-Hill, 1951.
- Urist 1977** — *Urist J.* The Rorschach test and the assessment of object relations // *J. of Person. Assessment.* 1977. Vol. 41.
- Westen 1990** — *Westen D.* Object relations and social cognition in borderlines, major depressives, and normals: a thematic apperception test analysis // *J. of Consult. and Clin. Psychol.* 1990. Vol. 2.
- Witkin 1954** — *Witkin H.* Personality through perception. N. Y., 1954.
- Witkin 1974** — *Witkin H.* Psychological differentiation. N. Y., 1974.